

ВЛАДИМИР КОРШАКОВ*

«СВОБОДА» И «ВОЛЯ»
ДРЕВНЕРУССКОГО ЧЕЛОВЕКА**

Аннотация: В статье на материале широкого круга источников рассматриваются представления о свободе в Древней Руси XI–XV вв., анализируются значения понятий «воля» и «свобода» и прослеживается их эволюция. «Свобода» древнерусского человека всегда распространялась на конкретную ограниченную сферу жизни, будь то свобода от греха, долга или болезни. Она могла сочетаться с зависимым состоянием: автор «Слова Даниила Заточника» мечтал одновременно о статусе холопа на службе у князя и о свободе, которую в этом статусе можно получить. Свобода даровалась господином и могла быть получена только от него. Воля, изначально понимавшаяся как воля-желание, позднее приобрела значение свободы, впервые зафиксированное в источниках на рубеже XII и XIII вв. В отличие от «свободы», «воля» древнерусского человека выражала идею полной независимости. Воля была правовым понятием; заявление о наличии у кого-либо собственной воли служило политической декларацией. По мере укрепления принципа монархической власти воля-свобода вытеснялась из политического лексикона, а «вольные люди» стали синонимом «лихих людей».

Ключевые слова: Древняя Русь, свобода, воля.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-3-13-28.

Для исследований понятия свободы в русском языке характерна междисциплинарность: филологи необыкновенно часто обращаются к философскому эссе Георгия Федотова (Федотов, 2004); в свою очередь работы филологов на эту тему обретают черты философских размышлений (Лихачев, 1981). Именно эта традиция междисциплинарности служит для нас защитой от обвинений во вторжении на территорию чужой дисциплины.

Мы рассмотрим свободу и волю древнерусского человека не столько как понятия (что было бы ожидаемо от историка), сколько как ключевые слова или ключевые идеи древнерусской культуры в терминологии

* Коршаков Владимир Валерьевич, младший научный сотрудник исследовательского центра Res Publica Европейского университета в Санкт-Петербурге; младший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Санкт-Петербургского государственного экономического университета, vkorshakov@eu.spb.ru.

** © Коршаков, В. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Статья подготовлена во время стажировки в Гарвардском университете. Автор благодарит за предоставленную возможность Центр российских и евразийских исследований Гарвардского университета и комиссию по научному планированию Европейского университета в Санкт-Петербурге.

А. Вежбицкой (Вежбицкая, 2001) и группы исследователей, работающих в схожей парадигме (Зализняк, Левонтина и Шмелев, 2005). В настоящее время исследователи, работающие с древнерусским материалом, для анализа значений этих слов располагают преимущественно историческими словарями, которых не всегда достаточно для корректного истолкования текста. В частности, важной задачей исторического словаря является фиксация всех значений слова, но порой разделение значений, оправданное лексикографически, мало способствует пониманию текста.

Как было показано в исследовании понятий «веры» и «правды» в древнерусском языке, лингвистически точный перевод текста не всегда достаточен для понимания его исторического смысла; особенно же затруднено это понимание, когда древнерусские слова являются «знакомыми» и даже буквально совпадают со словами современного русского языка (Юрганов и Данилевский, 1998). Мы полагаем, что эти краткие заметки об исторических смыслах «свободы» и «воли» в дальнейшем могут послужить ориентиром для истолкования отдельных древнерусских текстов.

Настоящее исследование посвящено понятиям свободы и воли в древнерусском языке до XV в. включительно; в отдельных случаях приведены цитаты из более поздних источников, показывающие развитие этих идей в XVI–XVII вв. Мы обращались к правовым источникам, актам, летописям и берестяным грамотам, чтобы определить содержание этих понятий и провести смысловые границы между ними. Первоначальными ориентирами для нас стали «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.», включающий все известные лексикографам случаи использования этих слов в указанный период, и справочная картотека «Словаря русского языка XI–XVII вв.», хранящаяся в Институте русского языка РАН¹.

Соотношение понятий воли и свободы в современном русском языке хорошо изучено лингвистами. Вместе с тем исторические корни этих понятий и древнейшее словоупотребление интересовали ученых значительно меньше. В качестве общих мест упоминаются этимологическая связь воли-свободы с волей-желанием и велением через индоевропейский корень *wel* (Арутюнова, 2003: 74) и в целом неотделимость воли-свободы от воли-желания (Апресян, 1995: 352, Арутюнова, 2003: 75), связь воли с простором через противопоставление дикой *воли* упорядоченному *миру* (Топоров, 1989: 43–52, Шмелев, 2002: 70–72). Из специализированных работ, посвященных истории «воли» и «свободы», до XVI в. можно

¹Благодарю Л. Ю. Астахину за помощь в работе с картотекой.

отметить очерки в научно-популярной книге В. В. Колесова (Колесов, 1986), позже переизданной без значительных дополнений под слегка измененным названием в качестве первого тома трилогии (Колесов, 2000); идей, высказанных в этих очерках, мы коснемся далее.

Начнем со слова «свобода», хорошо знакомого нам сегодня. По известному высказыванию Г. П. Федотова, «слово „свобода“ до сих пор кажется переводом французского *liberté*» (Федотов, 2004: 137). В самых ранних источниках на древнерусском языке мы действительно встречаем свободу как перевод древнегреческого *ἐλευθερία*. В переводных церковных текстах свобода, как правило, соседствует со своими антонимами — рабством, реже пленом.

Библейский мотив раба, своим трудом добывающегося свободы (ср. Сирах. 10:28) прочно закрепляется в древнерусской литературе. В Изборнике 1076 г. это еще прямая цитата, и нам неизвестно, в какой мере реалии, отображенные в ней, соответствовали личному опыту читателей, но веком позже в «Слове Даниила Заточника» древнерусский автор так изображает положение слуги при княжеском дворе: «Доброму бо господину служа, дослужится слободы, а злу господину служа, дослужится болшей роботы» (Слово Даниила..., 1997: 276). Внешне эта картина напоминает библейское противопоставление, но в ней присутствует значительное отличие.

Весь текст «Слова» представляет собой обращение автора к князю с просьбой принять его на службу; в некоторых списках произведения автор мечтает стать «слугой», в некоторых — «холопом». «Слово» определяется исследователями как «гимн холопскому состоянию» (Данилевский, 2002: 10). Парадоксальным для нас образом Даниил Заточник мечтает одновременно и о холопском состоянии, и о свободе. Один из современных исследователей пытается снять это противоречие, с натяжкой приравнивая этимологически родственные «свободу» и «соби́ну»: «Все его [Даниила — В. К.] устремление заключается в том, чтобы пристроиться к чужой „соби́не“» (Колесов, 2000: 112). Однако в «Слове» предполагается последовательность — сначала холопство (служба), а уже затем свобода; само по себе пребывание при дворе господина свободой не является.

Может быть, мы имеем дело всего лишь с иллюстрацией образованности Даниила, которыми пестрит «Слово», случайной цитатой, которая противоречит основной идее произведения? Исключительно маловероятно. Автор «Слова» искусно управляет с цитатами, его обращения к князю, в которых он имплицитно сравнивает князя с Богом, обращая

к первому слова псалмов, весьма аккуратны. Перед нами яркое отличие древнерусского понятия свободы от современного.

Свобода — несомненная ценность для древнерусского человека. Еще митрополит Иларион в своем «Слове», превознося заслуги Владимира Святославича, упоминает, что князь «работнымъ свободу дая» (Слово о законе..., 1997: 48). Это признает и Даниил, но вместе с тем он желает холопства у князя. Ключ для понимания кроется в прилагательном «болшеи», которое использует Даниил. И «работа» («рабство»), и «свобода» Даниила — относительные понятия. И то, и другое может быть большим или меньшим, но не абсолютным. И то, и другое для него только два полюса существования в мире князя. Свобода есть там, где есть господин, который может даровать эту свободу.

Выражение «человек свободный» было бы не вполне понятным для жителя Древней Руси. Его можно сравнить с выражением «человек, имеющий [нечто]» в современном русском языке. Когда в тексте идет речь об «человеке имеющем», мы приблизительно понимаем, о чем идет речь, но нас интересует, что именно у него есть. Власть? Деньги? Семья?

В «свободном человеке» древнерусского читателя заинтересовало бы, о какой именно свободе говорится. Свободе от греха? От дани? От болезни? Раб божий свободен от греха, но, обладая этой свободой, он остается рабом Бога. Даниил Заточник хочет свободы, но этой свободы он хочет в рамках холопского, служилого состояния у своего господина.

Свобода в древнерусском языке всегда конкретна. Встречаются свобода от Божьего гнева, от согрешений, от имущественного долга, от болезни. Это же сохранилось и в современном русском языке: «воля глобальна, свобода расчленена на виды» (Арутюнова, 2003: 94). Каждая из этих свобод ограничена и не характеризует обладающего ей как *свободного человека*. Лично зависимый человек может быть освобожден от какой-либо из своих повинностей, но эта свобода относится к определенной частной сфере и не изменяет его статус в корне.

Отличное от этого значения слово «свобода» встречается только в ранних правовых документах, в частности, в Русской правде². «Свободный муж» Русской правды представляет противоположность холопу, «свобода» как свободный человек в терминологии «Закона судного людем» не может быть поработен (Закон судный..., 1961: 37). Вероятно, оправданно объяснить это влиянием греческих переводных текстов

²См. различные редакции в Правда русская 1, 1940.

и противопоставления *ἐλευθέριος* и *δοῦλος*. «Закон судный», имея в основе византийскую «Эклогу», сам относится к таким текстам, «Русская правда» же по времени составления стоит близко к крещению Руси и могла заимствовать это противопоставление.

Важное место в древнерусском языке занимает территориальный аспект свободы — свобода как специально выделенное поселение. Лингвисты отмечают ассоциацию «свободы» с жизнью в городе в современном русском языке, а также этимологическое родство свободы со слободой как городским поселением (Шмелев, 2002: 72). Действительно, в XVI–XVII вв. под слободами начинают понимать обособленные поселения ремесленников. В более ранний исторический период дела обстояли иначе.

Свобода-слобода этого времени еще не была городской и составляла, скорее, не внутреннее дело поселения, а дарованную сверху привилегию. В частных актах свободы выступают в качестве такого же движимого имущества, как и села: их продают, покупают и завещают. Статус поселения как *свободы* говорил не о характере взаимоотношений между людьми, населявшими ее, а лишь об отношении населения к власти, учредившей эту свободу.

В сохранившихся новгородско-княжеских договорах на протяжении двухсот пятидесяти лет до договора с Иваном III включительно присутствует пункт о запрете князю ставить свободы на новгородских землях (ПРП. 136, 140, 254). Попытки князей устроить собственные *свободы* становились причинами нескольких новгородско-княжеских конфликтов. Статус свободы как исключенного из основной территории поселения позволяет объяснить происхождение более поздней городской *слободы*: оно действительно этимологически родственно *собъству* (Фасмер, 1987: 582), но не в значении свободы ее населения («положения свободного, члена своего рода»), а в значении места, которое в некотором отношении изъято субъектом действия (господином) из общего порядка вещей и тем самым сделано *собственным*.

Редкие упоминания того, что можно было бы назвать политической свободой, непременно сопровождаются пояснением о том, какая именно свобода была предоставлена. В статье Новгородской первой летописи 6704 (1196/1197) года упоминание о том, что «Новъгородъ выложиша вси князи въ свободу», сразу же конкретизируется: «кде имъ любо, ту же собе князя поймають» (НПЛ. 43). Выражение «выложить в свободу» родственно выражению «ставить свободы» из более поздних договоров

князей с Новгородом — выделить из существующего порядка определенную территорию, в которой действуют послабления относительно действующего порядка управления.

Свобода, которую в 6737 (1229/1230) году даровал новгородцам князь Михаил, заключалась в праве для смердов «5 летъ дани не платити» (НПЛ. 68). Характерно, что сами новгородцы, хотя и сохранили эти два случая использования слова «свобода» в летописи, предпочитали говорить в основном о *воле* Новгорода.

В летописной повести о смерти Михаила Александровича Тверского книжник титулует князя так: «о Тверскаа великаа свобода и честнаа слава сыновъ Тверскихъ, великий стражъ Тферскаго града» (ПСРЛ. Т. 11. 181). В этом случае «свобода» не ограничена прямо какой-либо сферой жизни, и, в принципе, допустимо предполагать случай использования слова свобода в значении независимости от внешнего влияния. Вместе с тем в той же повести говорится о наследнике:

Благородный же сын его Иван, видевь толику несовратну любовь людий ко отцу его имуща, и со многими слезами моляще Господа Бога споследовати въ стопы отчая, и прошаше всего бояр своих суда и исправления, смиренъ тогда глаголь, кроткий увет подаде всемъ людемъ (ПСРЛ. Т. 11. 183)³,

то есть для тверского автора среди качеств князя на первом месте находится желание прислушиваться к советам бояр и мирно наставлять подданных. На этом основании мы полагаем, что и здесь речь идет о свободе как об отношении господина к слугам, подобно той, о которой пишет Даниил Заточник.

Для описания политической независимости и самостоятельности в принятии решений в древнерусском языке использовалось иное обозначение: «воля». Как уже говорилось, это сложное понятие, совместившее в себе желание, властное действие как реализацию этого желания и свободу.

Самостоятельная *воля* (свобода воли) как качество человеческой природы роднит человека с Богом — в Новом завете этот термин используется преимущественно в отношении Бога (Арутюнова, 2003: 77). Наличие воли одновременно возвышает человека и создает опасность, искушение. Переводные руководства по аскетике рекомендовали не поступать по собственной воле, а вместо этого полагаться на заведомо

³«Бояр своих» приводится в разночтениях по Никоновскому списку (в издании назван «рукопись Академическая XV», современное обозначение БАН 17.2.5).

благу божественную: «всю свою отсеки волю и будеши акы чистый съсуд зблюдая вливаемая въ нь благая»⁴; из четырех примеров употребления слова «воля» в значении психической способности человека в «Словаре древнерусского языка» три — это советы отказаться от ее использования (СлДРЯ. 472). В народе это религиозное представление об опасности собственной воли дожило до позднейшего времени в форме пословицы «Вольному воля, спасенному рай, бешену поле, черту болото» (Даль, 1862: 933).

Как было отмечено в литературе (Апресян, 1995, Арутюнова, 2003), в современном русском языке воля-желание до сих пор тесно связана с волей-свободой. Столкновение чужих желаний, стремление навязать свою волю в древнерусском языке оборачиваются целым комплексом выражений, связанных с взаимодействием отдельных людей и, позднее, целых политических общностей. Победитель в конфликте мог *взять волю* над побежденным.

Покорившийся *становился на воле* господина, начинал *ходить в его воле* и в целом *был в его воле*⁵, иными словами, лишившийся своей воли человек переставал быть субъектом действия и становился объектом, надеясь лишь на получение ограниченной *свободы*. *Выступаться из воли* ему запрещалось, хотя в некоторых случаях он мог быть *пущен на волю* (в более позднем варианте *свобожен на волю*), обычно после смерти господина. В свою очередь господин становился *волен в своем* зависимом человеке.

Соединение и даже уравнивание воли Божьей с волей господской обнаруживается в новгородских берестяных грамотах, причем в виде формулярного обращения. В челобитной боярину Михаилу Юрьевичу «Волено Бъ де и ты» («Волен Бог и ты», № 311, кон. XIV – нач. XV вв.), грамоте попа Тимофея господину Есифу «Волно Бу и тоб[и]» («Воля Божья и твоя», № 757, кон. XIV – нач. XV вв.) и грамоте анонимного крестьянина, обращенной к господину, «Гжя воля и твоя» («Воля Божья и твоя», № 356, сер. – втор. пол. XIV в.) ясно демонстрируется характер господской воли как неоспоримого высшего источника власти (грамоты цитируются по Зализняк, 2004: 665, 636, 633, перевод А. А. Зализняка).

Аналогичная формулировка содержится в найденной в Пскове челобитной от Кюрика и Герасима к Онфиму «А во томо Божья воля и твоя» («А в том воля Божья и твоя», Пск. № 6, сер. – втор. пол.

⁴Новгородская кормчая книга 1282 г, л. 607 в-г, цит. по СлДРЯ. 472.

⁵См. примеры в СлДРЯ. 472–473.

XIII в.; А. А. Зализняк полагает, что грамота была написана в другом месте, возможно, в Новгороде: Зализняк, 2004: 515–516). Таким образом, вошедший в *чужую волю* человек обнаруживал себя в полной зависимости от господина.

Иного с крестьянской зависимостью рода была зависимость боярина от князя. Вплоть до конца XIV столетия московские князья еще признавали волю бояр, «бояром и слугам меж нас вольным воля» (СГДД, 64). Столкновение воль-желаний, в ходе которого ни один из субъектов не мог навязать свою волю другому, признание воли у противной стороны привели к развитию семантического поля и возникновению понимания воли как свободы.

В отличие от современных коннотаций воли, из-за которых она «не входит в конъюнкцию с законом» (Арутюнова, 2003: 86), наиболее ранние упоминания воли как свободы мы встречаем в правовых документах. В первой редакции договора Смоленска с Готским берегом и Ригой 1229 г. появляется *вольный человек* (ПРП. 58), а позже, в соглашении с Ригой, датируемым 1230–1270 годами, и *вольная жена* (ПРП. 75). В этих же документах встречаем «вольное торгованье», вольный статус реки Двины и вольный порядок занятия мест на торговых кораблях.

Смоленский договор вошел в дальнейшем в торговую практику Руси; один из наиболее известных его списков включен в мусин-пушкинский юридический сборник XIV в., объединивший основные документы коммерческого права Новгорода. Договор 1229 г. известен в двух группах списков, в одной из которых вместо воли присутствует свобода, но в новгородском списке сохраняется воля (Сборник юридических памятников..., б. д.: л. 100).

На рубеже XII–XIII вв. на *волю* начинают претендовать политические общности. Под 1176 г. в Лаврентьевской летописи зафиксировано описание жителями Владимира своего статуса как людей, *вольно* пригласивших к себе новых князей после убийства Андрея Боголюбского (ПСРЛ. Т. 1. стб. 375). Во Владимире этот порядок развития не получил, зато севернее, в Великом Новгороде, воля города утвердилась как основной принцип. По мнению В. В. Колесова, основанному на преимущественно московских источниках и новгородской «Повести о посаднике Добрыне», созданной уже после присоединения Новгорода к Москве, «господин Великий Новгород — город свободный, а не вольный», воля же усвоена городу московским летописцем, поскольку «для чужака чужая свобода — вольница» (Колесов, 2000: 116). Как показывает анализ новгородских источников республиканского периода, ни это мнение, ни утверждение

о том, что «русский человек до конца XVI в. не связывал понятие „воля“ с независимым состоянием; слово воля не было социальным термином» (Колесов, 2000: 124), не могут быть признаны верными.

Как уже упоминалось, в 1196 г. Новгород получил от князей *свободу* самостоятельно выбирать себе князя. По известию статьи 6717 (1209) года, князь Всеволод Большое гнездо «вда имъ [новгородцам] волю всю и уставы старых князей, егоже хотеху новгородци» (НПЛ. 50). С этого времени новгородское летописание больше не говорит о свободе. В статье 1215 г. Новгородской первой летописи официальный летописец архиепископа так передает слова князя Мстислава, напомнившего новгородцам о событиях 1196 г.: «Вы вольни в князехъ», практически теми же словами о правах новгородцев выбирать князя позднее на страницах летописи говорит посадник Твердислав (НПЛ. 53, 59).

В XIII в., преимущественно в первые пятьдесят лет после статьи 1215 г., *воля* Новгорода многократно возникает на страницах местной летописи (НПЛ. 60, 67, 68, 70, 80, 81, 87, 89). Кажется, это происходит именно из-за того, что воля его неустойчива, и потому нуждается в постоянном подтверждении. Известия о принятии на новгородский стол нового князя непременно сопровождаются упоминанием о том, что князь принес присягу на кресте «на всей воле новгородской». В XIV в. упоминаний о воле Новгорода практически нет, в эпоху укрепления республиканского устройства новый для XIII в. порядок уже осознается как традиционная *старина*. Снова воля на страницах летописи возникает в эпоху Евфимия II, по-видимому, вследствие необходимости подтвердить новгородские права, на которые покушается московский князь (НПЛ. 422); тогда же, при создании младшего извода Новгородской первой летописи, воля добавляется в те статьи XIII в., в которых подразумевалась изначально, но не была прописана эксплицитно (НПЛ. 260; ср. с НПЛ. 59).

Политический идеал Новгорода отразился в «Сказании о битве новгородцев с суздальцами». Дошедшее до нас в списках 1430-х гг., созданных в условиях все возрастающего давления Москвы, сказание так описывает взаимоотношения новгородцев с князем: «владеяху областми по своей воле, яже имъ Богъ поручилъ, а князя держаху по своей воле» (Слово о Знамени..., 2009: 328).

В определении отличий *свободы* и *воли* нам может помочь работа московского летописца, составителя Московского свода конца XV в. Известно, что он в своей работе пользовался в основном особой обработкой Софийской первой летописи, ростовским летописным сводом

и новгородским летописным источником, близким НПЛ (Дурье, 1976: 135, 162–167). Все известия, восходящие к НПЛ и упоминающие волю Новгорода, отредактированы в своде 1479 г. следующим образом: слова «на всей воле Новгородской» либо попросту удаляются из текста, либо заменяются словами о княжьей воле⁶.

При этом новгородская свобода является для него предметом заочного спора с неназванными оппонентами. В статье 6678 (1170) г. рассказ о битве новгородцев с суздальцами, известный в историографии как Знаменская легенда, содержит следующую сентенцию:

Сия же люди Новгородския наказа богъ и смири я до зела, за преступление крестное и за гордость ихъ наведе на них, но милостью своею избави град ихъ. И не глаголем: «прави суть Новгородци, яко издавна свободжени суть от прадедь князь нашихъ» [курсив мой — В. К.]. Но никакже се тако: аще ли се преднии имъ князи велели крестъ преступати и внуки своа или правнуку соромляти и целовавши крестъ внукомъ ихъ и правнуком их преступати (ПСРЛ. Т. 25. 81–82).

По-видимому, здесь в неявном виде содержится полемика с известием статьи 6704 г. Новгородской первой летописи о свободе, дарованной князьями Новгороду.

Наличие у Новгорода *воли* для великокняжеского летописца вещь невозможная, наличие же у него *свобод*, дарованных прежними князьями, возможно, а их лишение нуждается в дополнительном обосновании. К середине XVI в. такое отношение к воле отливается в чеканную формулировку Ивана Грозного: «Ведь дати воля царю — ино и псарю»⁷ (разумеется, под царем имеется в виду не сам Грозный, а «цари» покоренных им земель). В наступившем мире московского самодержавия настоящей *волей* обладает только сам царь, его воля-свобода едина с волей-желанием: «Жаловать своих холопей есьмы вольны, а и казнить вольны же»⁸. С этого времени прилагательное *вольный* в отношении простого человека окончательно становится в один смысловой ряд со словом *лихой*, зато по государевой воле множатся *слободы*.

Итак, в ранний период русской истории идеи свободы выражались по большей части с помощью двух понятий — свобода и воля (в нашем

⁶Отдельное исследование, посвященное использованию понятий «свобода» и «воля» в новгородских летописях XV в. и Московском своде конца XV в., готовится автором к печати.

⁷Послание в Кирилло-Белозерский монастырь: Послания Ивана Грозного, 1951: 168.

⁸См. там же: 173.

анализе мы не коснулись идеи *самовластия*, которое тоже служило в древнерусской культуре для выражения схожих идей, но не получило распространения, сравнимого с двумя первыми понятиями). Собственно *свобода* представляла собой определенную льготу или привилегию, дарованную слуге господином. Хотя в переводных текстах свобода была антонимом для зависимых состояний, в древнерусской жизни она сочеталась с зависимостью разного рода. Там, где свобода использовалась не в значении льготы или привилегии, она означала избавление от состояния, несвойственного человеку — болезни, плена. Древнерусская свобода — это *свобода от*, отрицательная свобода в терминологии Исая Берлина.

Понятие *воли* выражало иные идеи. Изначально свойственная самому Богу, воля в религиозно-антропологическом смысле сближала человека с Богом. Заявление о собственной воле — это смелый шаг, претензия на самостоятельное существование в мире и готовность быть господином (и себе самому, и другим). Из столкновения равных по силе волей родилось представление о признании чужой воли и о воле как свободе действий.

Воля утратила значение социально-правового термина с изменением политической ситуации во второй половине XV — начале XVI вв. С прекращением отъездов бояр от одного удельного князя к другому перестали быть *вольными* бояре, с присоединением Новгорода и Пскова исчезли города с собственной волей и населявшие их *вольные мужи*. История же «свободы» и «воли» в XVI в. и позднее лежит за рамками настоящего исследования.

СОКРАЩЕНИЯ

БАН	Библиотека Российской академии наук.
БЛДР	Библиотека литературы Древней Руси.
НПЛ	Новгородская первая летопись.
ПРП	Памятники русского права.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей.
РГАДА	Российский государственный архив древних актов.
СГГД	Собрание государственных грамот и договоров.
СлДРЯ	Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.

Источники

Рукописные источники

Сборник юридических памятников и выписок из собрания А. И. Мусина-Пушкина. Сер. XIV в. // РГАДА. — Б. д. — Ф. 135. — Оп. V-1. — Ед. хр. 1.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Даль В. И.* Пословицы русского народа. — М. : Университетская типография, 1862.
- Закон судный людем пространной и сводной редакции / под ред. М. Н. Тихомирова. — М. : Издательство Академии наук СССР, 1961.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. — М., Л. : Издательство Академии наук СССР, 1961.
- Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. / сост. С. В. Юшкова. — М. : Государственное издательство юридической литературы, 1953.
- Полное собрание русских летописей. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. — СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1897.
- Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 2. Лаврентьевская летопись. — Л. : Издательство Академии наук СССР, 1927.
- Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. — М., Л. : Издательство Академии наук СССР, 1949.
- Послания Ивана Грозного / под ред. В. П. Адриановой-Перетц ; подг. текста Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье. — М., Л. : Издательство Академии наук СССР, 1951.
- Правда русская. Т. 1. Тексты / под ред. Б. Д. Грекова. — Издательство Академии наук СССР, 1940.
- Слово Даниила Заточника / пер. и примеч. Л. В. Соколовой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4 / подг. текста Л. В. Соколовой. — СПб. : Наука, 1997. — С. 268–283.
- Слово о законе и благодати митрополита Илариона / пер. А. Юрченко ; примеч. А. М. Молдована // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1 / подг. текста А. М. Молдована. — СПб. : Наука, 1997.
- Слово о Знамени Пресвятой Богородицы // Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV вв. / под ред. О. В. Лосева. — М., 2009. — С. 328–334.
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. — М. : Тип. Н. С. Всеволожского, 1813.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М. : Языки русской культуры, 1995.
- Арутюнова Н. Д.* Воля и свобода // Логический анализ языка. Космос и хаос / под ред. Н. Д. Арутюновой. — М. : Индрик, 2003. — С. 73–99.
- Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. — М. : Языки славянской культуры, 2001.

- Данилевский И. Н.* Холопское счастье Даниила Заточника // Казус-2002 : индивидуальное и уникальное в истории / под ред. Ю. Л. Бессмертного, М. А. Бойцова. — М. : ОГИ, 2002. — С. 94–107.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. — М. : Языки славянской культуры, 2004.
- Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. — М. : Языки славянской культуры, 2005.
- Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси. — Л. : Издательство Ленинградского университета, 1986.
- Колесов В. В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2000.
- Лихачев Д. С.* Заметки о русском. — М. : Советская Россия, 1981.
- Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. — Л. : Наука, 1976.
- Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 1. А–Възаконятися / под ред. Р. И. Аванесова. — М. : Русский язык, 1988.
- Топоров В. Н.* Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы / под ред. Н. И. Толстого. — М. : Наука, 1989. — С. 23–60.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. Муза–Сят / под ред. Б. А. Ларина ; пер. с нем. О. Н. Трубачёва. — М. : Прогресс, 1987.
- Федотов Г. П.* Россия и свобода // Собрание сочинений. Т. 9. Статьи американского периода. — М. : Мартис, 2004. — С. 127–153.
- Шмелев А. Д.* Русская языковая модель мира: материалы к словарю. — М. : Языки славянской культуры, 2002.
- Юрганов А. Л., Данилевский И. Н.* «Правда» и «вера» русского средневековья // Одиссей. Человек в истории / под ред. А. Я. Гуревича. — М. : Наука, 1998. — С. 144–170.

Korshakov, V. V. 2018. “‘Svoboda’ i ‘volya’ drevnerusskogo cheloveka [Two Concepts of Liberty in Old Rus: Svoboda and Volya]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (3), 13–28.

VLADIMIR KORSHAKOV

JUNIOR RESEARCHER AT THE “RES PUBLICA” CENTER, EUROPEAN UNIVERSITY IN ST. PETERSBURG;
JUNIOR RESEARCHER AT THE INSTITUTE OF FUNDAMENTAL AND APPLIED RESEARCH,
ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY OF ECONOMICS

TWO CONCEPTS OF LIBERTY IN OLD RUS: SVOBODA AND VOLYA

Abstract: The article is focused on ideas and rhetoric of freedom in Old Rus from Eleventh to Fifteenth centuries. The author examines two concepts of freedom in Old Russian Language: *volya* and *svoboda*, and traces their evolution. *Svoboda* was a latitude or privilege given to a serve by a master. *Svoboda* existed in one or more areas of life, but was not a universal freedom. The author of Word of Daniil Zatochnik dreamt simultaneously of becoming a serve (kholop) of a mighty prince and being granted *svoboda* in his servile status. *Volya* initially meant desire and will, but later, apparently in the late Twelfth and early Thirteenth century, took a meaning of freedom. As opposed to *svoboda*, *volya* became a political and even legal term for full independence of a man (e. g. boyars in Muscovite Rus in Fourteenth century) or a community (e. g. Novgorod the Great from Thirteenth to Fifteenth centuries) from any external authority. Anyone making a claim for his own *volya* made an act of political self-determination. Following the rise of power of Moscow princes *volya* of anyone but prince left political vocabulary.

Keywords: Old Rus, Freedom, Will, Svoboda, Volya.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-3-13-28.

REFERENCES

- Adrianovoy-Peretts, V. P., ed. 1951. *Poslaniya Ivana Groznogo [Letters of Ivan the Terrible]* [in Russian]. Moskva [Moscow] and Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Apresyan, Yu. D. 1995. *Integral'noye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya [Integrated Description of Language and Systematic Lexicography]* [in Russian]. Vol. 2 of *Izbrannyye trudy [Selected Works]*. Moskva [Moscow]: Yazyki russkoy kul'tury.
- Arutyunova, N. D. 2003. “Volya i svoboda [‘Volya’ and ‘Svoboda’]” [in Russian]. In *Logicheskiy analiz yazyka. Kosmos i khaos [Logical Analysis of Language. Cosmos and Chaos]*, ed. by N. D. Arutyunova, 73–99. Moskva [Moscow]: Indrik.
- Avanesov, R. I., ed. 1988. *A–V''zakonyatisya* [in Russian]. Vol. 1 of *Slovar' drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv. [Dictionary of Old Russian Language from Eleventh to Fourteenth Centuries]*. Moskva [Moscow]: Russkiy yazyk.
- Dal', V. I. 1862. *Poslovitsy russkogo naroda [Proverbs of the Russian People]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Universitet-skaya tipografiya.
- Danilevskiy, I. N. 2002. “Kholopskoye schast'ye Daniila Zatochnika [Servile Happiness of Daniil Zatochnik]” [in Russian]. In *Kazus-2002 [Casus-2002] : individual'noye i unikal'noye v istorii [Individual and Unique Cases in History]*, ed. by Yu. L. Bessmertnyy and M. A. Boytsov, 94–107. Moskva [Moscow]: OGI.

- Fasmer, M. 1987. *Muza–Syat* [in Russian]. Vol. III of *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian Language], ed. by B. A. Larin, trans. from the German by O. N. Trubachëv. Moskva [Moscow]: Progress.
- Fedotov, G. P. 2004. "Rossiya i svoboda [Russia and Freedom]" [in Russian]. In *Stat'i amerikanskogo perioda* [Articles of American Period], vol. 9 of *Sobraniye sochineniy* [Collection of Works], 127–153. Moskva [Moscow]: Martis.
- Grekov, B. D., ed. 1940. *Teksty* [The Texts] [in Russian]. Vol. 1 of *Pravda russkaya* [Russkaya Pravda]. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Kolesov, V. V. 1986. *Mir cheloveka v slove Drevney Rusi* [World of a Human Being in Words of Old Rus] [in Russian]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.
- . 2000. *Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Mir cheloveka* [Old Rus: Legacy in Words. World of a Human Being] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Filologicheskii fakul'tet SPbGU.
- Laurent'yeuskaya letopis'* [Laurentian Chronicle] [in Russian]. 1927. Vol. 1 of *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Letopisnyy sbornik, imenuyemyy Patriarsheyy ili Nikonovskoyu letopis'yu* [Nikon or Patriarch's Chronicle] [in Russian]. 1897. Vol. 11 of *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tip. I. N. Skorokhodova.
- Likhachev, D. S. 1981. *Zametki o russkom* [Notes on Russian] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Sovet-skaya Rossiya.
- Losev, O. V., ed. 2009. "Slovo o Znamenii Presvyatoy Bogoroditsy [Sermon on the Sign of Most Holy Mother of God]" [in Russian]. In *Zhitiya russkikh svyatykh v sostave drevnerusskikh Prologov XII – pervoy treti XV vv.* [Lives of Russian Saints in Old Russian Prologs from Twelfth to the First Third of Fifteenth Centuries], 328–334. Moskva [Moscow].
- Lur'ye, Ya. S. 1976. *Obshcherusskiye letopisi XIV–XV vv.* [Russian Chronicles of Fourteenth and Fifteenth Centuries] [in Russian]. Leningrad: Nauka.
- Moldovan, A. M., ed. 1997. "Slovo o zakone i blagodati mitropolita Ilariona [Sermon on Law and Grace by Metropolitan Hilarion of Kiev]" [in Russian]. In vol. 1 of *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Russian Literature], trans. by A. Yurchenko, with annots. by A. M. Moldovan. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV veka* [Moscow Chronicle of Late Fifteenth Century] [in Russian]. 1949. Vol. 25 of *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moskva [Moscow] and Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Nasonov, A. N., ed. 1961. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov* [The First Chronicle of Novgorod in Early and Latest Versions] [in Russian]. Moskva [Moscow] and Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- "Sbornik yuridicheskikh pamyatnikov i vypisok iz sobraniya A. I. Musina-Pushkina. Ser. XIV v. [Law Monuments and Extracts from A. I. Musin-Pushkin's Collection. Mid-Fourteenth Century]" [in Russian]. N. d. In *RGADA* [Russian State Archive for Ancient Acts]. Archive 135. List v–1. Item 1.
- Shmelev, A. D. 2002. *Russkaya yazykovaya model' mira: materialy k slovaryu* [Russian Linguistic Model of the World: Data for a Dictionary] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Sobraniye gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del* [Collection of State Documents and Treaties from the State

- Collegium for Foreign Affairs*] [in Russian]. 1813. Bk. 1. Moskva [Moscow]: Tip. N. S. Vsevolozhskogo.
- Sokolova, L. V., ed. and trans. 1997. "Slovo Daniila Zatochnika [Word of Daniil Zatochnik]" [in Russian]. In vol. 4 of *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Russian Literature], with annots. by L. V. Sokolova, 268–283. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Tikhomirov, M. N., ed. 1961. *Zakon sudnyy lyudem prostrannoy i svodnoy redaktsii* [Zakon Sudnyy Lyudem in Extensive and Integrated Editions] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Toporov, V. N. 1989. "Ob iranskom elemente v russkoy dukhovnoy kul'ture [On Iranian Component in Old Russian Culture]" [in Russian]. In *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Rekonstruktsiya drevney slavyanskoy dukhovnoy kul'tury: istochniki i metody* [Slavic and Balkan Folklore. Reconstruction of the Old Slavic Religious Culture: Sources and Approaches], ed. by N. I. Tolstoy, 23–60. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Vezhbitskaya, A. [Wierzbicka, A.] 2001. *Ponimaniye kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Yurganov, A. L., and I. N. Danilevskiy. 1998. "'Pravda' i 'vera' russkogo srednevekov'ya ['Pravda' and 'Vera' of Russian Medieval Period]" [in Russian]. In *Odissey. Chelovek v istorii* [Odysseus. Man in History], ed. by A. Ya. Gurevich, 144–170. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Yushkov, S. V., comp. 1953. *Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 2. Pamyatniki prava feodal'no-razdroblennoy Rusi. XII–XV vv.* [Monuments of Russian Law. Issue 2. Monuments of Law of Feudal Rus. Twelfth to Fifteenth Centuries] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo yuridicheskoy literatury.
- Zaliznyak, A. A. 2004. *Drevnenovgorodskiy dialekt* [Old Novgorod Dialect] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Zaliznyak, A. A., I. B. Levontina, and A. D. Shmelev. 2005. *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of Russian Linguistic Image of the World] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Yazyki slavyanskoy kul'tury.